

Отрывок из книги В. Каверина «Открытая книга»

стр. 25

... задача, возникшая перед большим отрядом микробиологов и эпидемиологов в Сталинграде, была не похожа на все, что делалось прежде, ни по характеру, ни по масштабу. Задача была неслыханная, небывалая. Она заключалась в том, что мы должны были организовать сложное микробиологическое производство в осажденном городе, находившемся под тяжелой угрозой. Она заключалась в том, что это производство должно было выпускать препарат в огромных, с каждым днем возрастающих размерах. Она заключалась в том, что фагировать нужно было не только оседлое население, а тысячи людей, уходящих, уезжающих и улетающих из Сталинграда.

На заседании Чрезвычайной комиссии кто-то предложил доставлять бактериофаг из Москвы. Но в середине июня это было уже невозможно. Железнодорожные линии были блокированы. Самолеты прорывались с трудом.

Я ночью в военном госпитале и, возвращаясь ночью с работы, всякий раз нахожу перемены, от которых беспокойно сжимается сердце. Все теснее сдвигаются койки. Все больше раненых в саду, на дворе. Еще несколько дней – и разбито левое крыло, печально обнажена внутренность операционной, в накренившемся саду видны медикаменты, вата. Теперь госпиталь начинается от самых ворот ...

Каждый вечер со всех концов города, от строителей рубежа, из военных частей санитарные сводки сбегаются в исполком, и становится ясно, что то, чем занимаемся мы – лабораторные люди, производители фагов, - это лишь частица огромной задачи, которую решает сам Сталинград. Девушки-дружинницы обходят город: у каждой под наблюдением десять квартир. Все ли здоровы? Уезжающие, знаете ли вы, что перед отъездом нужно пройти пропускник! Хлорированы ли колодцы? Нет ли больных в соседнем дворе?

А другие хлорируют колодцы, уничтожают очаги выплода мух, осматривают уезжающих. По радио и в газетах, в бомбоубежищах и на пристанях без устали рассказывают о том, как бороться против желудочно-кишечных заболеваний. Дежурят в булочных, на эвакуопунктах – хлеб не выдается, прежде чем не принимается фаг.

стр. 102, 103

Мы перебрали весь ход нашей работы, все ступени, одну за другой. Мы снова впрыснули наш препарат мышам и кроликам в огромных дозах и снова убедились в том, что здоровые животные относятся к пенициллину, или крустозину (как бы его ни называть), более чем хладнокровно. Мы снова впрыснули его руг другу и, кроме жжения и легкой красноты в местах уколов, не заметили решительно ничего, заслуживающего внимания. Мы снова проверили активность препарата на мышах и вылечили их с быстротой, которая показалась бы фантастической, если бы два года тому назад не были живыми свидетелями столь же фантастического выздоровления.

Все было – и ничего не было! Разве могла я сравнивать наши первые, робкие, спотыкающиеся шаги – шаги ребенка, который только что научился ходить, - с этим смелым маршем по дорогам и без дорог? Мы действовали тогда неуверенно, наугад, почти вслепую. Мы дрожали над каждым миллиграммом препарата – грубо очищенного, слабоактивного. «Матрасы» с питательной средой, на которой росла зеленая плесень, стояли во всех лабораториях, и чуть ли не две сотни этих «матрасов» понадобилось, чтобы спасти одну-единственную человеческую жизнь. А теперь нам казалось чудом не то, что мы спасли Катеньку Стогину, а то, что наш слабый, неочищенный препарат мог произвести это чудо.

Теперь, когда пенициллин можно приобрести в любой аптеке, когда на этикетке каждого флакона печатаются данные, установленные в результате тщательного многолетнего изучения, когда на основе этого открытия

возникла новая, большая отрасль промышленности, какими робкими представляются мне наши первые шаги в практической медицине! Как мы были осторожны, как неуверенны, с каким трепетом ждали, что скажут врачи! Мы связались с несколькими клиниками, мы роздали препарат хирургам, кожникам, терапевтам – в лабораторию со всех сторон стали слетаться вести. Их было очень много, этих вестей, и для ясности можно, пожалуй, разделить их на три группы: неопределенно-хорошие, просто хорошие и неправдоподобно-хорошие, причем последних с каждым днем становилось все больше.

... Каждый четверг в моем кабинете собирались врачи и профессора, хирурги и нейрохирурги, кожники, педиаторы, терапевты – препарат испытывался в шести клиниках одновременно. Уже и в этом была увлекательная новизна. И тогда, на заре изучения, «спектр действия» пенициллина поражал своей яркостью и широтой.

стр. 159, 160, 162

... стоило мне закрыть глаза, и передо мной появлялась светлая, просторная палата, где происходило наше, в сущности, очень странное состязание.

Двенадцать бойцов, находящихся в одинаково опасном положении, лежат в этой палате – шестеро справа и шестеро слева. Заражение крови! Лежащих слева лечат нашим препаратом, лежащих справа – английским. «Левые» истории болезни идут под четными, «правые» - под нечетными номерами.

Каждый день после работы я отправляюсь в Яузскую больницу, и почти всегда Флори уже шагает между койками, в шапочке, из-под которой торчат непокорные космы, и в огромных – по-моему, сорок пятый номер –

ботинках. Разумеется, он доверяет нам, но это настоящий ученый, который все хочет видеть собственными глазами.

Спор, сущности, идет о дозах, и по тем временам это существеннейший, глубоко значительный спор. Пенициллин был тогда редкостью, лечить им приходилось лишь тяжело раненных, приговоренных к смерти, и не хочется даже вспоминать, как трудно было подчас выбирать тех, кому мы могли подарить – и дарили – жизнь.

Флори утверждает, что наши маленькие дозы недостаточно активны и, следовательно, бесполезны. А мы утверждаем, что большие дозы английского препарата дают не лучший, в сравнении с нашим, результат, а даже несколько худший.

Уже на десятый день становится совершенно ясно, что все наши раненые находятся на пути к полному выздоровлению. Правда, не отстают и английские подопечные. Но они получают по сто тысяч единиц в день, а наша шестерка – в десять раз меньше.

Не стану подробно рассказывать о том, как происходило наше состязание – боюсь, что и без того в моих записках слишком много науки. Оно продолжалось долго, около месяца, и за это время мы не только уточнили дозы, но узнали – что тоже было весьма любопытно – историю пенициллина в Англии и США.

- Good evening!
- Good evening!
- How are you?
- Thank you. I am well.
- Have you time for me?
- Yes, I have.
- With impatience I want to know about your work on penicillin in America/

- Well, in 1924 I went from one firm to another and tried to make them sure look at my bottle with magic gin. But they had a lot of military orders which were profitable.

- You did not have any guarantee to be financial, did you?

- You are right. I was forced to go to America having only a test-tube with my penicillin.

- Only a test-tube? How could you show the owners of clinic wonder-working properties of your penicillin?

- It took me only six months to get enough unknown mould fungus. Nutrient medium for rapid reproduction was found.

By one word «gin has come out from a bottle».

- Well, penicillin began to be quoted at the market. Not only firms but some individuals started to grow it in the most unfavorable conditions.

- And what about imitations?

- A large number. And it is very difficult to distinguish. The result of this agiotage is patents. Now we, English people, must buy these patents.

- I can't imagine. You have given your work to Americans free of charge.

- Understand me, I am a man of science, I am not a dialer. It's very difficult for you to imagine this situation in your country. But such is the history of my penicillin.

(русский перевод)

- Добрый вечер!

- Добрый вечер!

- Как вы себя чувствуете?

- Спасибо. Хорошо.

- Вы можете уделить мне время?

- Да.

- С нетерпением хочу узнать о вашей работе над пенициллином в Америке.

- В 1924 году я ходил из одной фирмы в другую и пытался убедить посмотреть на мою бутылочку с магическим джином. Но у них было много военных заказов, которые были более прибыльными.
- У вас не было гарантии на финансирование, не так ли?
- Да. Я был вынужден поехать в Америку, захватив с собой всего лишь пробирку с пенициллином.
- Всего лишь пробирку? Как вы смогли показать чудотворные свойства пенициллина владельцам клиники?
- Мне потребовалось всего лишь шесть месяцев, чтобы получить достаточно неизвестного плесневого грибка. Питательная среда для быстрого размножения грибка была найдена.
- Одним словом «джин вышел из бутылки».
- Да, пенициллин стал котироваться на рынке. Не только фирмы, но и отдельные лица стали выращивать его в самых невероятных условиях.
- Я слышала, что уже есть подделки?
- Большое количество. Причем распознать их – это довольно трудная задача. Результат этого ажиотажа – патенты. И теперь мы, англичане, должны покупать эти патенты.
- Я не могу представить. Вы отдали свою работу американцем бесплатно.
- Поймите меня, я – человек науки, я – не делец. Это ситуацию вам трудно представить в вашей стране. Но такова история моего пенициллина.